

18+

Александр Остроухов

Станция «Дилемма»

Александр Остроухов

Станция «Дилемма»

«Издательские решения»

Остроухов А.

Станция «Дилемма» / А. Остроухов — «Издательские решения»,

Есть ли в жизни место человеку, который ходит с микрофоном и записывает звуки мира вокруг? И после этого его не считают психом? Насколько это вообще важно — слушать?

© Остроухов А.

© Издательские решения

Содержание

`01` — Morning Commute1	6
`02` — First Take2	9
`03` — Loop5	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Станция «Дилемма»

Александр Остроухов

© Александр Остроухов, 2026

ISBN 978-5-0071-1362-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

‘01’ — Morning Commute¹

Утро начиналось с шума.

Матвей открыл глаза ещё до того, как зазвенел будильник. В щель между шторами пробивался серый свет, а с улицы, сквозь старое стекло, просачивался далёкий гул города — шины по мокрому асфальту, где-то сигналит такси, лязг металла. Он полежал три минуты, глядя в потолок, и понял, что за эти три минуты никто не написал ему. Телефон на тумбочке молчал.

Он поднялся, налил холодной воды из-под крана, выпил залпом. В зеркале отражался парень лет двадцати пяти, с русой щетиной и глазами, которые всегда смотрели чуть мимо собеседника — словно прислушиваясь к чему-то за его спиной.

Квартира была маленькая, съёмная, на первом этаже хрущёвки. Соседи сверху каждое утро включали телевизор так громко, что Матвей мог угадать программу: новости, потом утреннее шоу, потом опять новости. Он не выключал этот звук, не включал свои наушники. Просто завтракал под новости, как под радио.

Он вышел из дома в десять. До работы — двадцать минут пешком через дворы. Он шёл не спеша, руки в карманах пуховика, и слушал. Многие в его возрасте бегали по утрам или слушали подкасты, затыкая уши наушниками. Матвей же шёл с открытыми ушами и впитывал:

- *шаги по гравию, рыхлые, как рассыпанный сахар;*
- *далёкий звон трамвая на параллельной улице;*
- *женщина кричит из окна на пятом этаже: «Коля! Хлеб!»;*
- *его собственное дыхание, выходящее паром на холодном воздухе.*

Он работал баристой в маленькой кофейне на углу Литейного. Называлась она нелепо — «Кофеин и Риск». Над входом висела ржавая вывеска, которую владелец так и не удосужился поменять. Внутри пахло зёрнами и горелым молоком. Тесный зал, шесть столиков, за стойкой — громоздкая кофемашина, которая шипела, пыхла и капризничала, как старый кот.

Коллега Миша уже был на месте. Миша был широкоплечим, громким, с вечно влажными от пота ладонями и привычкой говорить так, будто его никто не слышит.

— Матвей, привет! — рявкнул он, когда Матвей переступил порог. — Опять один дома сидел? Ты кого-нибудь слушал? Ну, в смысле, с кем-то разговаривал?

— Светофор слушал, — ответил Матвей, вешая куртку.

Миша расхохотался, как будто это была лучшая шутка недели.

— Ты псих, Матвеша. Реальный псих.

Матвей надел фартук, завязал шнурки кроссовок и встал за машину. Началась рутина. Кофемашина гудела, пар вырывался с шипением, зёрна хрустели в дозаторе. Матвей делал капучино, латте, эспрессо, не глядя. Его руки помнили каждое движение, а уши — каждый звук.

Стук портафильтра о решётку: *бдыщ.*

Лязг ложек об чашку: *дзынь.*

¹ перевод на русский: утренний маршрут.

Голоса покупателей: «Без сахара», «Погорячее», «Ой, как у вас красиво, хоть и тесно».

Но внутри он слушал другое. Он наострил уши, когда одна из постоянных посетительниц, пожилая женщина с седыми кудряшками, заказала двойной эспрессо и сказала по телефону:

— Да нет, Наташ, я не поеду. Боюсь я туда ехать. На прошлой неделе чуть не упала на ступеньках. А теперь вот колено...

Матвей запомнил её голос. Не текст — именно *голос*. Дребезжащий, тёплый, с хрипотцой, похожий на старую виниловую пластинку, у которой сбилась игла.

В обеденный перерыв он вышел на улицу. Миша остался курить у входа, а Матвей обошёл здание и вышел к задней стене. Там была пустая бетонная площадка, за которой чернела старая железнодорожная ветка. Она была заброшена — рельсы заросли травой, шпалы сгнили. Но дальше, метров через триста, ветка уходила в тоннель и соединялась с действующей магистралью.

Матвей сел на бетонный бордюр, положил подбородок на колени и уставился на рельсы. Где-то далеко, за домами, подала голос электричка. Гудок был низким, тягучим. Он прошёл сквозь стройку и деревья, ослабленный расстоянием, и дошёл до Матвея почти как шёпот.

И в этот момент он понял, что *хочет туда*. Не объяснимо, не рационально. Просто его потянуло, как иглу к магниту.

Вечером, когда кофейня закрылась, Миша хлопнул его по плечу:

— Пойдёшь в бар? Там сегодня диджей, классный.

— Я устал, — сказал Матвей.

Миша вздохнул:

— Ты всегда устал. Ладно, до завтра, чудак.

Матвей вышел и не пошёл домой. Он пошёл туда, куда тянуло всё утро. Мимо высоток, мимо круглосуточных ларьков, мимо гаража с нарисованным драконом. Он обогнул забор и вышел к **городской платформе**. Тупиковая станция, малоизвестная. Две деревянные лавочки, железный козырёк, расписание на выцветшем стенде. Пусто.

Он сел на лавку, ту, что ближе к рельсам. В кармане куртки лежал чёрный диктофон. Цифровой, маленький, купленный полгода назад на авито. Он носил его с собой, но ни разу не записал ни секунды. Просто носил. Как талисман.

Поезд не подходил. Было тихо. Слышно было, как дрожит подвеска фонаря, как ветер свистит в проводах, как где-то в сумерках перекликаются вороны.

Матвей не достал диктофон.

Он просто сидел, сложив руки на коленях, и слушал эту тишину.

«Почему тебя тянет сюда?» — спросил он сам себя.

Ответа не было.

Зажглись фонари. Откуда-то издалека, с главного хода, донёлся приближающийся гул состава. Металл лязгал о металл, рельсы начинали тонко звенеть, вибрация прошла по земле, подошвам кроссовок и поднялась выше — к позвоночнику.

Поезд пронёсся мимо платформы, не останавливаясь. Смазанные жёлтые окна, глухой рёв, лязг колёс. Внутри Матвея что-то дрогнуло. Он задержал дыхание, когда хвост состава скрылся в темноте, и тишина вернулась — но уже другая, пропитанная железом и эхом.

Он посидел ещё пять минут. Потом встал, отряхнул куртку и пошёл домой.

Диктофон в кармане так и остался нетронутым. Но когда Матвей сворачивал в свой двор, он поймал себя на мысли, что считает шаги. Семьдесят три шага до подъезда. Ровно.

Что-то внутри щёлкнуло. Ещё не запись. Ещё даже не идея. Просто — **готовность.**

`02` — First Take²

На следующее утро Матвей проснулся с ощущением, что в груди застрял комок. Не боль, нет — скорее лёгкая вибрация, как будто внутри поселился маленький мотор, который гудел ровно и настойчиво. Он сел на кровати, потёр лицо ладонями и посмотрел на диктофон, лежащий на тумбочке. Чёрный, матовый, с потёртым углом — он купил его на Avito у студента, который переезжал в другой город. Продавец сказал: «Отличная модель. Уже давно работает». Матвей тогда хмыкнул, заплатил две тысячи и убрал в карман. Шесть месяцев он носил его с собой, как амулет, ни разу не нажав красную кнопку.

Сегодня он нажмёт кнопку.

Он встал, налил чай, но пить не стал. Поставил кружку на стол и начал одеваться. Было воскресенье — выходной. Миша звал в парк, в бар, но Матвей отмахнулся ещё вчера. У него было другое дело. Он вышел из дома в девять утра, когда город только начинал прогреваться. Солнце висело низко, жёлтое и маслянистое, пробиваясь сквозь дымку. Ветер дул с реки, пахло сыростью и прелыми листьями.

Матвей решил не идти сразу на станцию. Он хотел сначала *размяться*, настроить уши. Он свернул в сторону рынка, где по утрам всегда было шумно. Там, под железной крышей, торговали зеленью, рыбой, старыми книгами. Матвей прошёлся между рядов, замедляя шаг у каждой палатки. Он слушал.

— Ты посмотри, какие помидоры! Красные, как сердце! — кричала тётка в цветастом фартуке.

— Девушка, у вас сдача найдётся? — спрашивал толстый мужчина у продавца мяса.

— Ну я же говорю, этот фильм — полная ерунда, — вторил голос из очереди за кефиром.

Матвей остановился возле книжного развала. Старик в очках листал потрёпанный томик Бродского и бормотал себе под нос:

— «*Ни страны, ни погоста...*» — и замолкал, качал головой, переворачивал страницу.

Пальцы Матвея дрогнули. Он почти достал диктофон, но в последний момент отдёргнул руку. *Не здесь. Не сейчас. Слишком много людей — заметят, подумают, что я псих.* Он отошёл от развала и двинулся дальше, через рынок, к набережной. Там было ветрено, и вода плескалась о бетонные блоки с ритмичным *бум-бум*. Он постоял минуту, запоминая этот звук ушами. Потом пошёл дальше.

Он прошёл через сквер, где детский хор репетировал гаммы. Голоса были высокими, нестройными, но в этом была своя прелесть — живая, неотредактированная музыка. Матвей задержался на скамейке, прикрыл глаза и вслушался. Сопрано³ одной девочки то и дело срывалось в фальцет, и тогда руководительница хлопала в ладоши: «Тише, тише! Слушайте себя!» — и хор замолкал, а потом начинал снова. Матвей улыбнулся. Он улыбнулся сам себе, потому что рядом никого не было, кто мог бы эту улыбку заметить.

² перевод на русский: Первый дубль.

³ Высокий женский певческий голос. Название происходит от итальянского слова *soprano* (от *sopra* — «над», «сверх»).

К полудню он вышел к железной дороге. Не к той станции, а к старой товарной ветке, где давно не ходили поезда. Рельсы уходили в заросли иван-чая, и на них не было ни души. Матвей присел на корточки и провёл пальцем по поверхности рельс. Металл был холодный, чуть влажный от росы. Он поднёс палец к уху и представил, как бы звучал этот металл, если бы по нему ударили молотком. Звон? Глухой удар? Он не знал. Но он знал, что хочет это записать.

Он поднялся, отряхнул джинсы и наконец двинулся к той самой станции, которую нашёл вчера. Она была в пятнадцати минутах ходьбы, через жилой массив и промзону. По дороге он на ходу запоминал шумы: лай собаки из-за забора, скрип качелей на пустой детской площадке, шелест шин по мокрому асфальту — днём асфальт уже подсох, но в тени оставались лужи. Он шагал быстро, почти бесшумно, потому что носил кроссовки на мягкой подошве. В кармане диктофон слегка покачивался в такт движению.

Он вышел на платформу в начале первого. Солнце стояло в зените, но воздух был прохладным. Платформа была почти пустой — только одна женщина сидела на лавочке и читала книгу в мягкой обложке, да у края платформы стоял парень в наушниках, притопывая ногой в ритм неслышной музыки. Матвей занял своё место — ту же лавочку, что и вчера, ближе к рельсам. Он сел, положил руки на колени и стал ждать.

Ждать пришлось недолго. Через пять минут подошёл поезд — не электричка, а небольшой дизель-поезд, который соединял этот тупиковый участок с главной линией. Он остановился, двери открылись с шипением, выпустили трёх пассажиров и впустили ни одного. Поезд постоял минуту и укатил дальше. Матвей проводил его взглядом, отмечая, как звук меняется по мере удаления: от рёва до шелеста, от шелеста до шёпота, от шёпота до почти полной тишины. Он хотел записать именно этот переход, но снова не решился. *Потом*, — сказал он себе, — *сначала надо разобраться, что именно я ищу.*

И тут он услышал голоса.

Сначала неразборчиво, сквозь шум ветра. Потом яснее — из кассового павильона, который стоял на платформе. Дверь была приоткрыта, и оттуда доносился женский разговор. Матвей поднялся, бесшумно пересел на соседнюю лавочку, которая была ближе к павильону, и замер. Сердце забилось быстрее — он не мог объяснить почему. Может, потому что голоса звучали с интонацией секрета, может, потому что он уже знал, что это важно.

— ...да, я к тому, что это странное название, — говорила одна женщина, низким, спокойным голосом. — «Станция Дилемма». Ну кто так называет остановочный пункт?

— Старая история, — отвечала вторая, моложе, с лёгкой хрипотцой. — Мне бабушка рассказывала. До войны здесь был просто полустанок, а после войны построили новую ветку, но не закончили. Рельсы довели до этого места и бросили. А строители стояли перед выбором: рыть тоннель через холм или делать объезд. Оба варианта были дорогими и рискованными. Они спорили два месяца. Местные прозвали это место «Дилеммой» — в шутку. А когда наконец выбрали объезд, название так и осталось. Оно приклеилось.

— Ух ты, — протянула первая. — А я думала, это какой-то анекдот.

— Нет, — ответила вторая. — Но в этом что-то есть. Знаешь, я иногда сижу здесь и думаю: ведь всё в жизни — дилемма. Остаться или уйти, простить или забыть, сказать или промолчать. И мы каждый день стоим на этой платформе и выбираем поезд. Или не выбираем.

Голоса затихли. Матвей сидел не дыша. Он слышал, как в павильоне зазвенела кружка, как какая-то капля упала на металлический поднос. Потом женщина с низким голосом засмеялась, негромко, и сказала:

— Ладно, не грузи философией. Дай-ка лучше рацион на завтра.

Разговор перешёл на рабочие темы, и Матвей медленно выдохнул. Он не осознавал, что задерживал дыхание. В голове крутилось слово — *дилемма*. Он смотрел на рельсы, уходящие в никуда, и думал о том, как много раз в жизни он стоял перед выбором, но никогда не думал об этом так отчётливо. Останавливаться или идти? Слушать или говорить? Записывать или просто помнить?

Он встал. Теперь — точно.

Матвей отошёл к самому краю платформы, где был небольшой зазор между бетоном и шпалами. Там было ветрено, ветер свистел в проводах. Он достал диктофон, снял с него чехол, нажал кнопку включения. Экран засветился голубым. Уровень батареи — 86%. Памяти — почти пусто. Он перевел дыхание и нажал *красную кнопку*.

Миг тишины. Потом он услышал себя, записывающего тишину. И в этой тишине начала проявляться жизнь: далёкий гудок электровоза, шум листвы на соседнем тополе, шаги прохожего за спиной — шаркающие, усталые. А потом — голоса из павильона, уже приглушённые стеной, но всё равно различимые. Словно они плыли сквозь стекло и оседали в микрофоне.

Он записал три минуты. Ровно три минуты, пока не подошёл следующий поезд. Когда состав начал нарастать, он убрал диктофон в карман и отошёл от края. Поезд пронёсся мимо — быстрый, шумный, с открытыми окнами, оттуда доносилась музыка чужого телефона. И всё исчезло.

Матвей стоял на платформе, оглушённый, но довольный. Он не знал, получилось ли что-то ценное. Но он сделал это. Он нажал кнопку.

Он ушёл со станции только к вечеру. Засветло он ещё побродил по окрестностям — записал, как хлопает дверь в тамбуре, как женщина зовёт кошку, как поезд отправляется с низким протяжным гудком. Он превратился в охотника: каждое ухо начеку, каждый шаг подчинён невидимому ритму. Он перестал замечать время. Он нёсся по городу, как иголка по пластинке, выцарапывая звуки.

Домой он вернулся затемно. Куртка пахла железом и уличным воздухом. В квартире было тихо. Он скинул обувь, достал диктофон, подключил его к ноутбуку и записал файлы. Шесть файлов. Шесть маленьких жизней, записанных на плёнку.

Он надел наушники, закрыл глаза и нажал *плей*.

Первая запись — станция. Шум ветра, потом голоса из павильона. Он переслушал разговор о названии «Дилемма» и почувствовал странный холодок в спине. Он записал то, что не планировал — ключ ко всей истории. Он открыл программу для звука, с которой когда-то баловался, и наугад потянул регулятор громкости этого фрагмента почти до нуля. Голоса стали шёпотом. Потом он наложил на них гул поезда, который записал после. Звуки смешались, и

в этом миксе что-то дрогнуло. Ещё сыро, ещё хаотично, но в первый раз за многие месяцы Матвей почувствовал: *вот оно*. Вдохновение.

Он просидел за компьютером до полуночи, меняя эквалайзеры, накладывая реверберацию. Он пока не знал, что получится, но знал, что будет делать это снова и снова. Димка, друг-звукорежиссёр, мог бы помочь, но сейчас Матвей хотел попробовать сам.

Перед сном он открыл новый проект и назвал его «01_Station_Dilemma. wav».⁴ Сохранил. Выключил свет.

В темноте он улыбнулся. *Ты искатель*, — сказал он себе. — *Ты нашёл не ответ, но хотя бы вопрос*.

Диктофон лежал на тумбочке, тёплый от долгой работы. Матвей заснул, и ему снился поезд, который не останавливался на станции, но каждый раз сбавлял скорость, как будто раздумывал.

⁴ перевод: станция дилемма.

‘03’ — Loop⁵

Следующая неделя превратилась в петлю. Матвей просыпался, завтракал под новости соседей, шёл на работу, делал кофе, слушал Мишу, а в обеденный перерыв или сразу после смены бежал на станцию. Он не мог объяснить, что именно толкало его туда. Может быть, железный запах рельсов, может, эхо голосов под козырьком, а может, тишина между поездами — та самая, в которой можно услышать, как дышит город.

Он не чужак. Он исследователь.

В понедельник он записал прибытие утреннего состава. Встал за десять минут до гудка, направил микрофон в сторону тоннеля и ждал. Сначала был только ветер, потом — едва заметная вибрация, передающаяся через бетонную плиту в его подошвы. Потом — нарастающий гул, как будто к платформе приближался живой организм. Он затаил дыхание, когда поезд вынырнул из темноты: жёлтые окна, лязг тормозов, шипение воздуха, лёгкий скрип колёс о стыки. Запись получилась чистой, почти стерильной. Он переслушал её вечером и понял: одного поезда мало. Ему нужны *люди*.

Во вторник он сместил фокус. Вместо того чтобы стоять у края платформы, он сел на лавочку в центре и включил запись на полчаса. В микрофон попали: чихание пожилого мужчины, разговор двух подростков о школьной контрольной, звонок телефона, далёкий смех, объявление диктора — «Осторожно, двери закрываются» — и снова тишина. Матвей переслушал этот кусок вечером и поймал себя на том, что улыбается. Каждый голос был маленьким миром. Он прокручивал запись снова и снова, вслушиваясь в детали: у подростков были ломающиеся голоса, у пожилого мужчины — одышка, у диктора — лёгкий акцент, похожий на южный.

В среду он пришёл с утра, до работы, и записал пустую платформу. Без людей, без поездов. Только ветер, провода, далёкий гул города за домами. Он не знал, зачем это сделал, но когда переслушал, понял: это базовый слой, на который можно накладывать всё остальное. Как чистый холст.

В четверг он впервые принёс диктофон на работу. Миша заметил:

— Это что за приборчик?

— Диктофон, — буркнул Матвей, пряча его в карман фартука.

— Ты что, журналист? Писатель? — Миша прищурился с усмешкой.

— Нет. Записываю звуки.

— Звуки? — переспросил Миша, не понимая. — Какие звуки?

— Городские. Разные.

Миша хотел было пошутить, но посмотрел на серьёзное лицо Матвея и вдруг замолчал. Потом сказал:

— Ладно, чужак. Записывай. Только клиентам в чашки не суй свой агрегат.

В пятницу Матвей сделал первый осознанный шаг к своей идее. Он записал голос покупательницы — той самой пожилой женщины с седыми кудряшками. Она говорила по телефону о своём внуке, который уехал в другой город. Голос дрожал, но в нём была такая тёплая нота,

⁵ перевод на русский: петля.

что Матвей чуть не включил диктофон на месте. Но он сдержался, записал только в уме. А вечером, когда она ушла, он спросил у Миши:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.